

Двести четвертая...

Мне довелось несколько лет прослужить в 204-й, гвардейской, дважды Краснознамённой, орденов Кутузова и Богдана Хмельницкого 2-й степени Речицко – Бранденбургской зенитной ракетной бригаде. Бригада в годы войны была дивизией и прошла славный боевой путь. Своё наименование она получила за освобождение белорусского города Речица и *вторжение (!!!)* в Бранденбургскую провинцию Германии. Именно так и было записано в её историческом формуляре.

Эти годы оставили в памяти самые тёплые воспоминания, хотя служба тогда была обусловлена довольно строгими правилами.

Бригада дислоцировалась в приграничных лесах и болотах Ленинградской области и Эстонской ССР. Сейчас можно сказать, не нарушая больших секретов, что 50% дивизионов бригады несли боевое дежурство в готовности №2, со сроком открытия огня дежурными ракетами 5 минут, а 50% дивизионов – в готовности №3 со сроком 30 минут. Через месяц происходила смена очередности. Соответственно и все выезды в местные населенные пункты были практически запрещены и допускались в исключительных случаях с разрешения большого начальства. Так служили годами и десятилетиями...

Разумеется, юмор помогал переносить «тяготы и невзгоды» армейского бытия.

Бригадные острословы в незапамятные времена переименовали бригадное почетное наименование так:

204-я, гвардейская, дважды еврейская, орденов Святого Ебукентия 1-й и 2-й степени, Гречицко – Бургундская бригада.

Надо сказать, что загадочный *Святой Ебукентий* прочно вошел в бригадную жизнь и пользовался у нас большой популярностью.

Ежегодно проводились официальные подведения итогов. После обычных докладов командира и начпо слово просили два «старейшины», которых полуофициально избирали из старейших и авторитетных командиров и замполитов дивизионов. Одним из главных требований к ним - было наличие чувства юмора.

«Старейшины» зачитывали «Указ старейшин», который иронично – юмористично описывал бригадные «достижения» и ЧП за истекший год. Потом «старейшины» награждали отличившихся. Указ был всегда «гвоздем» подведения итогов.

Командир и замполит дивизиона, где было больше всего ЧП и других «проколов» в течение года, награждались, под смех всего зала, *орденами Святого Ебукентия 1-й и 2-й степени*. Сами «ордена» изготавливались к этому случаю бригадными умельцами. К ним давалась «Грамота» с

соответствующими формулировками, содержание которой тоже озвучивалось.

Были и другие «награждения» от старейшин. Руководство дивизиона, где случился пожар и сгорел штаб, наградили орденами «*Евбукевтия Пожарского*». Святой на этом ордене был изображен с большим факелом в руках.

Запомнилось и вручение «*красных революционных шаровар*» командиру технического дивизиона. Его пригласили подняться на сцену и нацепить «шаровары» поверх форменных брюк. Шаровары представляли из себя широкие шорты ниже колен, сшитые из красного кумача, с большой «помочью» через плечо. Вид в них, с «помочью» награждённый имел – незабываемый.

На полигоне Сары – Шаган (куда бригада в то время ездила проводить боевые пуски ежегодно) один из дивизионов «стрельнул» на «двойку», что было страшным ЧП. После этого обычно следовали наказания по партийной линии и «*оргвыводы*».

На одной из остановок при следовании эшелона с техникой и личным составом бригады «домой» вдруг объявили общее построение. На нём «*старейшина*» зачитал Указ о награждении руководства «двоечного» дивизиона *денежной премией в 2 тысячи рублей* и вручил командиру с замполитом по 2 классно нарисованные купюры достоинством 2 тысячи рублей.

На купюрах вместо Ленина хитро улыбался *Святой Евбукевтий*.

Очень колоритным было и командование нашей бригады. Хочу ещё раз отметить, что все наши командиры и начальники были честными и достойными людьми, а их юмористические недостатки не умаляли их достоинств.

Жуликов, воров, наглых подлецов и тупых стяжателей (которых так много развелось в армии в последние 15 лет) тогда во главе частей и соединений не держали. Во всяком случае, мы их не видели.

Командир (он же «бригадир») носил кличку «*Левитан*».

Он получил её за удивительное умение читать речи и доклады с такой скоростью, что половину слов присутствующим разобрать не удавалось, приходилось угадывать.

Другой его особенностью было редкое слово – паразит «*Полностью*». Он употреблял его с завидной частотой.

«*Это у вас – баня? Полностью. Это – командный пункт, полностью*» и так далее.

У нас была традиционная утренняя «перекличка» на громкой связи. Каждый день, без праздников и выходных, в 8.00 утра на командных пунктах дивизионов были обязаны находиться командиры и замполиты. А комбриг и начпо с КП бригады производили суточный «разбор полетов», ставили задачи и давали «накачки». Мы называли эту процедуру «*радионяней*».

«Так, товарищи командиры, полностью»,- начинал всегда свою речь Левитан.

Одним из развлечений, было считать, сколько раз *Левитан* произнесёт своё «полностью» в ходе своей речи на «радионяне». После окончания речи и ухода Левитана любители подсчетов спорили порой в эфире: «Пятнадцать! Нет, восемнадцать!». Еще одной его коронной фразой была *«Думайте, товарищи командиры, полностью. Думайте!!!».*

Очень своеобразно в Войсках ПВО тогда осуществлялись проверки полётами «контрольных целей». Левитан в таких случаях объявлял на «радионяне: *«Внимание, товарищи командиры, полностью! Сегодня в 16.00 ВНЕЗАПНО будет проводиться проверка дежурных сил бригады, полностью, полетами контрольных целей. Пара Ту-16 с аэродрома «Тапа» будет следовать курсом на аэродром «Бесовец», полностью. Высота 12 000 метров, скорость 950, полностью. Дежурным дивизионам условно обстрелять при входе целей в зону поражения, полностью. Материалы фотоконтроля представить в штаб бригады к 21.00. Полностью. Думайте, товарищи командиры, полностью!»*

Яркой фигурой был и наш начпо. За созвучную фамилию и склонность к длинным речам его прозвали *«Никита Сергеевич».*

В тандеме со своим заместителем майором Бобровицким, получившим почетное наименование *«Бабрак Кармаль»* в честь «лидера афганской революции», они доставляли нам много и хлопот и веселых минут.

Но особо выделялся начальник тыла бригады – полковник *«Папа Ремез».* Это был удивительный военачальник.

Первый раз он отличился в день открытия 25 съезда КПСС. В дивизионе, которым он командовал, проходили полугодовые регламентные работы. И произошел «непроизвольный пуск ракеты». Сработал только стартовый двигатель и далеко она не улетела. Жертв и разрушений тоже не было, но всё равно скандал был грандиозный.

«Папу Ремеза» наказали, но с должности не сняли, т.к. его прямой вины не было. Со временем он перешел работать на должность заместителя командира *«Гречицко – Бургундской»* по тылу.

На этой должности «Папа» показал всю мощь своего организаторского таланта. Подчиненные боялись его, как огня и Папа Ремез руководил тылом нашей бригады железной рукой.

Как и положено *«щирому хохлу»*, он был прижимист и крайне неохотно расставался с тыловыми ценностями от спирта и ГСМ до ветоши, которые положено было выдавать на регламентные работы. Опытные командиры это знали и по-свойски договаривались с Папой. *«Качать права»* в общении с ним было бесполезно и контрпродуктивно.

«Идите на хер, ребята. Я сказал: идите на хер!!!» - говорил он обычно любителям что-то от него потребовать.

Изредка находился какой-нибудь молодой командир дивизиона, пытавшийся «надавить» на Папу через комбрига. Происходила примерно такая дискуссия: *«Товарищ командир, у нас полугодовые регламентные работы. Не можем получить ветошь для их проведения!»* - обращался правдолюбец к Левитану на каком –нибудь совещании.

Комбриг вопросительно смотрел на Папу Ремеза.

«Товарищ командир!» - грозно отвечал Папа, красная физиономия которого наливалась свекольным цветом от такой неслыханной наглости. *«Все склады открыты, прапорщик Кузьмук специально вызван мной из отпуска. Пусть приходят, обращаются и получают. Не обращаются, ведь!!!»*

Удовлетворённый исчерпывающим ответом, Левитан спрашивал: *«Ещё вопросы есть, товарищи командиры, полностью?»*.

Вопросов не было. Комбриг уходил, а *«нарушитель спокойствия»* интересовался у Папы, когда же можно получить желанную ветошь.

«Идите на хер, ребята! Я сказал: идите на хер!!!» - получал он классический ответ от Папы и надолго попадал в число тех, кого Ремез недолюбливал. А это было чревато...

Конечно всё, что надо ему в конце-концов выдавали, но ветошь была самого худшего качества, а спирт - разбавлен бензином. Спирт от этого не терял тех свойств, для которых его и выдавали – протирка контактов, волноводов и т.п., но начисто лишался своего главного достоинства. Его невозможно было пить, а значит, использовать в качестве «жидкой валюты». Заслужить Папино прощение было очень нелегко.

Строг Папа Ремез был и во всех делах, касавшихся тылового обеспечения.

Каждые полгода, в ходе сборов командиров и замполитов бригады, нас возили по разным дивизионам и проводили *«показные занятия»*. Где то демонстрировали образцовый командный пункт, где-то казарму, где-то клуб или ленинскую комнату. Папа учил на тыловых объектах: столовая, склад, овощехранилище, туалет и т.д.

«Хозяйство вести – не мудями трясти!!!» - любил он повторять народную мудрость.

Однажды в дивизионе у Володи Коваленко Папа проводил занятия на свежестроенном *«хапспособом»* продскладе и остался складом страшно недоволен. Было отчего: кирпичи бойцы положили вкривь и вкось, сам склад стоял как-то кривобоко, создавая впечатление, что вот-вот завалится.

Папа Ремез «драл» командира дивизиона в ходе всего занятия и потом всю дорогу в автобусе (а мы ехали в наш дивизион «смотреть» ремонт в казарме) постоянно «пинал» несчастного Володю за его склад.

Приехав к нам, Папа повеселел и расхваливал ремонт казармы на все лады.

Тут он вдруг узрел и наш продсклад, который мы тоже построили хапспособом, однако он получился красивее коваленковского.

Папа при виде нашего склада пришел в восторг. Построив перед ним всех участников сборов, он выдал историческую фразу:

« Вот посмотрите, товарищи офицеры. Здесь к складу были приложены руки!!! А Коваленко приложил к своему складу – жопу!!!».

Надо вспомнить и то, как мы заехали в наш дивизион в тот раз. Ездили все участники сборов на бригадном «пазике». Водила-солдат имел привычку задолго до подъезда к воротам какого – нибудь дивизиона начинать непрерывно сигналить, чтобы караульные распахивали ворота настежь. Обычно так и делали, хотя по уставу полагалось остановить автобус для проверки перед воротами. Караульный должен был выйти, представиться, а уж потом открывать ворота для въезда.

Старшим автобуса в тот раз был заместитель комбрига, закрывавший глаза на такие «шалости» водителя.

Дорога к нашему дивизиону шла под довольно крутой уклон, кроме того, я знал, что без уставной остановки у нас ворота не откроют. Поэтому попросил старшего автобуса - дать команду водителю снизить скорость и остановиться перед КПП.

Замкомбрига в ответ – только хмыкнул: *«Посмотрим на ваш хвалёный порядок. Не откроют – водила опытный, затормозит».*

Подъезжая к нашим воротам, автобус отчаянно гудел, не снижая скорости. Перед КПП водила попытался лихо затормозить – и тормоза отказали. Автобус нанёс мощный удар по закрытым воротам, разорвал цепь с замком и влетел на территорию дивизиона. Постепенно снижая скорость, мы вкатились прямо на боевую позицию. Хорошо, хоть в кювет не съехали, а то бы точно перевернулись. В автобусе несколько секунд была гробовая тишина. Молчали и дурак - водитель со старшим. Я побежал к КПП узнать как там ситуация.

Одну половинку ворот ударом сорвало с петель и отбросило в кювет. Караульного солдата Комбара Касымбаевича (у нас было принято всех солдат называть по имени – отчеству) спасло то, что он слегка замешкался и не успел выйти на крыльцо. Иначе его просто расплющило бы второй половинкой ворот. А так – обошлось без пострадавших.

Вот уж, воистину - *«техника в руках дикаря – грудa железа!»*

Знаменитый случай с Папой Ремезом произошел уже в разгар «перестройки».

В то время Горби ввел в стране некую пародию на «сухой закон», с подачи то ли Лигачева, то ли Раисы Максимовны.

(Вообще-то – удивительно, какой эскадрон *«всадников без головы»* удалось собрать вокруг себя будущему «лучшему немцу года» за недолгое время своего бесславного правления!!!)

Единственным результатом этого кретинизма было массовое озлобление мужского населения страны на партию, проводящую идиотские эксперименты среди любящего выпить народа.

Папа Ремез по-своему ответил на *«вызов времени»*. Если раньше он выпивал, но в меру, то с углублением горбачевского эксперимента он стал постепенно эту меру терять.

Спирта в его распоряжении было немало и он начал бороться с его запасами с обнадёживающими результатами. Постепенно всё управление бригады по цвету Папиной физиономии научилось определять количество принятой им «на грудь» огненной воды. К обеду Папина «репа» расцветала кумачовым цветом, а к концу дня приобретала темно – бурый оттенок.

«Принявший» Папа Ремез становился в службе ещё строже, но добродушнее в общении. Всех подчинённых он называл просто, но доходчиво:

«Пиздрон!». Это получалось у него так тепло и задушевно, что никто не обижался на неуставное обращение.

Однажды зимой после обеда Папа, уже успевший принять пару стаканчиков спирта, узнал, что в один из дивизионов бригады выехал начальник тыла армии. Папа решил немедленно выехать к нему и «представиться».

Левитан был в отпуске и *«Бургундской»* командовал начальник штаба полковник Лёгонький, который имел кличку *«Пьяненький»*, несмотря на то, что вообще не пил. (А может быть и поэтому, история умалчивает детали). *«Пьяненький»* широко прославился благодаря одной фразе, сказанной им в эфир на «радионяне»: *«Старшим машины назначить хорошего прапорщика, или офицера в звании не ниже майора!!!»*

«Пьяненький», узнав о намерении Папы Ремеза выехать для представления, пришел в ужас и категорически запретил выезд Папиного уазика из автопарка и через КПП.

Папа не признававший над собой ничьей власти, кроме Левитана, страшно обиделся, узнав про запрет *«Пьяненького»*. Убедившись, что дежурный по автопарку майор не выпустит его уазик ни под каким Папиным нажимом, он отправился на КПП.

Остановив первый же КАМАЗ, который следовал за получением имущества на окружные склады, Папа Ремез скомандовал прапорщику, старшему машины: *«Пиздрон, выходи!»*. Прапор, зная крутой нрав Папы, не стал дожидаться повторного приглашения и выскочил из КАМАЗа. Папа залез в кабину и Камаз отправился по указанному Папой адресу.

Впоследствии, солдатик-водитель, написал, что получил от Папы Ремеза только две команды и обе добросовестно выполнил. В начале пути:

«Пиздрон, гони!!!». И «пиздрон» погнался...

(Дивизион, куда спешил Папа, был размещен на Курголовском полуострове. Туда вела только одна, построенная в 30-е годы «ворошиловская» дорога, мощеная булыжником. Она петляла и изобиловала опасными поворотами. Даже летом по ней надо было ездить с умом. Зимой же требовалось немалое мастерство, которым наши военные водители, как правило, не обладали).

Вторую команду Папа дал, когда увидел, что КАМАЗ неумолимо заносит на повороте: *«Пиздрон, тормози!!!»*.

В народе говорят, что везет дуракам и пьяницам. КАМАЗ вылетел с дороги и ударился серединой кабины в вековую сосну. Папа с «водилой» вылетели

каждый в свою половину лобового стекла, но мимо сосны... Сосна сломалась и рухнула на КАМАЗ, экипаж которого уже был в полете, расплющив его. Первым пришел в себя Папа Ремез. Вся его физиономия была изрезана стеклом, больше повреждений не было. Он сразу же отыскал и привел в чувство водителя, который и вовсе отделался лёгким испугом. Затем организовал его отправку в бригадный лазарет, на всякий случай, и даже пытался представиться – таки армейскому тыловику, от чего его еле отговорил командир дивизиона, прибывший на место аварии. Новый КАМАЗ стал неузнаваем, даже его рама была скрючена в «три погибели». Прибывший из отпуска Левитан сообщил Папе Ремезу, что тому пора бы уволиться после такой «чепуги», так как КАМАЗ восстановлению не подлежал.

Папа поняв, что дело только в КАМАЗе, попросил у Левитана два дня для исправления ситуации и к их исходу торжественно въехал в ворота КПП на новеньком КАМАЗе со всеми необходимыми документами. После чего служил ещё два года.

Очень яркой личностью был и заместитель комбрига по вооружению полковник Романцев. Золотой медалист харьковской академии ПВО, он был великолепным специалистом своего дела и жестким руководителем. Технику он знал и любил, прилагая титанические усилия к тому, чтобы привить эту любовь другим.

Он выработал свой стиль «воспитания» бережного отношения к технике и вооружению бригады. Приезжая в дивизионы, Романцев брал с собой своего водителя и шел с ним по боевой позиции. Все инструменты, ЗИП, и прочее «железо» которое бойцы имели привычку бросать на землю, он подбирал и безжалостно «конфисковывал». Водитель утаскивал это в его уазик. Никакие стоны и уговоры командиров дивизионов не помогали. *«Раз валяется на земле, значит никому кроме меня не нужно!!!»*, - говорил он в ответ на все просьбы. Постепенно это давало эффект.

Прекрасно зная технику, Романцев много делал и для поднятия наших технических знаний, в свойственной ему саркастической манере.

«Главное – вы должны знать, в какую сторону дверь кабины открывается! Залезаете вы в кабину и видите, что техник с паяльником копается в блоках, неисправность ищет», - учил он нас на сборах замполитов.

«Как ему показать, что вы лучше его знаете технику?! Очень просто – спрашиваете: «Коротит?» - а он, допустим, скажет «Нет!». Тогда вы говорите: «Значит, не контактит!!!» и с гордым видом можете уходить. Он всем расскажет, что вы крупный специалист. Вся электротехника – это теория контактов!».

Романцев тоже умел хлётко охарактеризовать ситуацию, особенно, когда его выводила из равновесия чья-то некомпетентность.

«Сборище долболобов!!!» - так однажды он окрестил аудиторию участников сборов комсостава бригады. Ему показалось, что «отцы- командиры» не могут ответить на его какой-то элементарный вопрос.

Единственным его недостатком было то, что он был холостяком. Как-то глядя на бригадную доску почёта, он вдруг поинтересовался с несвойственной ему сентиментальностью: *«Вот гляди, вывесили иконостас. Этот – тупица, этот – поддавонщик, этот – солдат боится. Но висят ведь... А я чем их хуже?!»*. Ответить было нечего...

На 40-летие Победы в бригаду собрали всех её ветеранов – фронтовиков. Получилось хорошее мероприятие. Доставили из московского архива все боевые знамена дивизии и её полков. Провезли знамёна и ветеранов по всем дивизионам бригады, показали им боевую работу воинов - ракетчиков. В общем, праздник получился не казённый, «от души». Большая заслуга в том была Левитана с Никитой Сергеичем.

Были, конечно, и праздничные застолья. Ветераны выпили, раскрепостились и рассказывали много интересного про войну и свою молодость.

Нас с Папаном один ветеран поразил рассказом о том, что в годы его юности (предвоенные) среди молодёжи было популярным движение под девизом: *«Пролетарии всех стран – раздевайтесь!»*.

Лет через 10 после этого наши СМИ стали талдычить о сексуальной революции, пришедшей к нам с Запада. У нас еще до войны были свои революционеры на этом фронте!!!

Ветераны рассказывали много интересного про жизнь, войну и своих полководцев. Одним из командиров полков был полковник Левинсон. После войны, на каком-то совещании его поднял командующий армией: *«Левинсон! Ты почему мне докладывал, что у тебя в полку солдат сапог прострелил? А вот прокуратура пишет, что он прострелил себе ногу!!!»* - *«Товарищ командующий, в сапоге была нога!»* - находчиво ответил Левинсон под смех зала.

Другой ветеран в войну командовал расчетом «легендарной сорокапятки» - 45 миллиметровой противотанковой пушки. Он нас поразил своим отзывом о пушке. Он оказался совсем не праздничным: *«Мы её называли: «Смерть врагу – низ..ец расчёту!!!»*

Надо вспомнить и ещё один хороший бригадный обычай.

Обряд посвящения в гвардейцы. Это было неформальное мероприятие и касалось только командиров, замполитов и начальников штабов дивизионов. Оно называлось *«На Крест»*.

На эстонской стороне берега реки Наровы идет шоссе между Нарвой и курортным местечком Усть-Нарва. Там с царских времен стоит памятник русским воинам, погибшим в ходе трагической битвы при Нарве 1700года, в которой русские войска были разгромлены шведами.

Памятник представлял собой крутую пирамиду из крупных булыжников метра 4 высотой, на вершине которой был установлен большой чугунный трёхметровый крест. К пирамиде он крепился на 4-х огромных болтах. Там мы поминали по русскому обычаю павших и потом вновь посвящаемые должны были вскарабкаться по булыжникам на вершину пирамиды и поцеловать крест, или один их болтов. Сделать это было далеко не просто, особенно зимой или в дождливую погоду. Но обычай соблюдался неукоснительно: «*На Крест*» не ездил – значит – пока не гвардеец.